

*Детективы
о женщине-стихм*

Собирайте книги Ирины Градовой — истории женщин, которые научились побеждать:

**Сколько стоит твоя смерть
Жена государственной важности
Инстинкт хищницы
Слишком легко, чтобы умереть
Рай для неудачниц
Соло на раскаленной сцене
Танцующая в волнах
Хоровод обреченных
Химия преступной страсти
Хроники ревнивого сердца
Самый сильный пол
Отказано выжить
Назови зло по имени
Ее кровная месть
Актриса на роль подозреваемой**

Ирина **ГРАДОВА**

**Актриса на роль
подозреваемой**

**Москва
2018**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Разработка серии *Н. Никоновой*

Градова, Ирина.

Г75 Актриса на роль подозреваемой : [роман] / Ирина
Градова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-091710-5

Кипят страсти на подмостках и за кулисами: актрисы соперничают из-за ролей, продюсеры переманивают у конкурентов актрис, завтрашние примы интригуют против сегодняшних. В одном они готовы сплотиться: когда зрительный зал жадно ждет провала, они будут без оглядки защищать своих. Рита — человек из публики, но ей, адвокату, положено знать, у кого в этой закулисной игре роль убийцы. Если ее, конечно, пустят туда, куда зрителям вход воспрещен.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091710-5

© Градова И., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Пролог

1976 год, октябрь

Ребенок больше не кричал. Отлично: этого она и добивалась! Стоит ли снять с шеи удавку, скрученную наспех из шерстяного шарфа? Да какая разница, все равно любому очевидна причина смерти. Можно ли по шарфу определить, кто совершил преступление?

Угрызений совести она не испытывала. Девять месяцев таскать в себе тяжесть и наконец вытолкнуть ее наружу, избавиться от бремени... Нет, никаких угрызений! Она смотрела на маленькое тельце, закутанное в стандартную роддомовскую пеленку, даже с некоторым удивлением. Неужели это могло когда-нибудь вырасти? Оно могло кем-то стать — артистом, инженером, врачом... Но она решила так: он вообще не должен был родиться!

И почему она не отказалась от ребенка в роддоме? Это ведь так легко! О нем позаботилось бы государство — оно обо всех заботится. А все акушерка с ее страхами, будь она неладна... Господи, какая же она дура — так обалдела от факта, что больше не беременна, что и не подумала спорить!

Она аккуратно уложила сверток поверх груды мусора, вспучившейся из полуоткрытого бака. Он ка-

зался таким огромным по сравнению с притихшим кульком, что от этого зрелища становилось жутковато. В последний раз оглянувшись на дело своих рук, девушка метнулась в сторону подворотни. Через пару минут за ее спиной раздался истошный вопль. Обернувшись, она увидела полную женщину в накинутой на махровый халат куртке, стоящую у помойки и держащую в руках сверток. Поглощенная неожиданной находкой, дама не замечала девушку, прячущуюся в тени арки. Когда она наконец подняла глаза, та бросилась наутек.

2016 год, октябрь

— Как, как ты мог поступить с нами подобным образом? Как только земля носит такое чудовище?

Леди Хорнберри стояла у массивного деревянного стола, впившись побелевшими пальцами в его край. Вся ее поза выражала скорбное отчаяние. Молодой мужчина среднего роста, чью стройную фигуру подчеркивал отлично сшитый костюм, смотрел на пожилую даму насмешливо. Когда он заговорил, в каждом его слове сквозила издевка:

— Миледи, земля выдерживала и большую нагрузку!

Он медленно, словно хищник, готовящийся к броску, обогнул стол и встал так, чтобы смотреть прямо в глаза визави.

— Иначе, — продолжал молодой человек, — как вы не провалились в геенну огненную, не только не наказанная за преступления, а процветающая! Уважаемая дама лондонского общества, безжалостный и авторитетный критик любого аутсайдера, нечаянно затесавшегося в узкий кружок... Самая незапятнанная репутация в Англии. И вдруг — боже правый!

— Вы, вы говорите о моих преступлениях, подлое вы создание? — вскричала леди Хорнберри, подаваясь вперед. Ее лицо оказалось в непосредственной

близости от пылающего лица молодого человека. — Вы соблазняли мать, лежа в постели с дочерью, не испытывая чувств ни к первой, ни к последней! Вы добивались лишь одной цели — проникнуть в то самое общество, о котором сейчас с таким презрением говорите. Вы мечтали, что вас станут принимать в уважаемых домах, хотели собственную ложу в театре — все это вы получили, не потратив ни гинеи. Но берегитесь: я ввела вас в общество, Томас Гослинг, я же и вышвырну вас оттуда. И, поверьте, вам будет очень больно падать с такой высоты!

— Не стоит волноваться, миледи, — спокойно ответил собеседник леди Хорнберри, ничуть не напуганный гневной тирадой. — Коли зашла речь о падениях... Вы уже присмотрели мужа для маленькой Марджори? Она не может выйти за простого смертного, наша принцесса, верно? Для Марджори Хорнберри — только самое лучшее! Но только вот возникла маленькая проблема: ваша милая дочурка беременна.

— Что?

Леди Хорнберри вскинула голову и впиалась взглядом в холодные голубые глаза Томаса Гослинга.

— Вы мерзкий, грязный...

— Осторожнее со словами, миледи! — прошипел он, не отступая ни на шаг. — И отойдите назад, потому что, сокращая пространство между нами, вы лишаете меня доступа свежего воздуха. Но болотная гниль, которой веет от вас, и могильный холод, неизменный спутник отравителей, не отпугнут меня! Что случилось с вашим первым мужем? Бедняга внезапно скончался от приступа астмы? Вдовушка утешилась, заполучив кругленькое состояние престарелого банкира. Потом пришел черед лорда Ковентри. Денег с гулькин нос, зато — титул. Но и наш лорд не задержался на этом свете, хотя ему едва стукнуло сорок! Зато Мар-

джори, маленькая Марджори родилась настоящей леди — с серебряной ложкой во рту и дюжиной высокопоставленных родственников. И это вы говорите мне о низости? Разве вы не собирались торговать дочерью в надежде продать ее подороже? Теперь это станет несколько, как бы выразиться помягче, затруднительно. По моим скромным подсчетам, она на пятом месяце, так что об аборте придется забыть: я уже вижу, как ваш деятельный мозг хватается за эту возможность как за спасательный круг. Что вы сделаете с несчастным маленьким ублюдком? То же, что с тем, другим, двадцать восемь лет назад оставленным на безлюдном перекрестке Кавингтон-кросс?

Леди Хорнберри вздрогнула и отпрянула.

— Кто вы? — с подозрением спросила она, буравя взглядом молодого человека. — Откуда вы столько знаете? И вы ничего не сможете доказать!

— А может, у меня есть доказательства, миледи? Что, если я могу взорвать ваш маленький, насквозь протухший мирок рассказом о вашей жизни до того, как вы стали многоуважаемой леди Хорнберри? Одно мое слово, и ваше имя забудут в гостиных и салонах, а ваша дочь станет самой нежеланной из всех невест Англии? Пожалуй, я начну с вашего детства. Дочь, кажется, мельника? Уважаемая профессия! Наверное, папаша надеялся, что дочка будет ему славной помощницей. Но в этой хорошенькой головке витали мысли, далекие от зерна и жерновов: ей хотелось вырваться из полунищенского существования, которое устроило бы девяносто процентов добропорядочных девушек ее сословия. Но Лора-Мэй не была добропорядочной — мы-то с вами знаем, леди Хорнберри, да? Маленькая чертовка только и мечтала сбежать из отчего дома и пуститься на поиски приключений. И она их нашла. Кто был отцом бастарда, мадам? Не сын ли обедневшего помещика, который впоследствии за-

стрелился, не сумев оплатить карточные долги? Он оказался слабой фигурой на вашей шахматной доске. Фигурой, оставившей к тому же неприятное последствие. У последствия было имя, миледи? Вы успели наречь его, прежде чем бросили умирать холодным осенним утром?

— Лжете! — запальчиво воскликнула леди Хорнбери. — Каждое ваше слово — ложь, и я не потреплю...

— Его назвали Кавингтон, — продолжал Томас Гослинг. — Джонни Кавингтон. Кавингтон — по названию перекрестка, где его обнаружил случайно проезжавший мимо священник, из-за дождя изменивший обычный маршрут. Джонни... А как еще могут звать ребенка, чья мать только что не убила его собственными руками?

— Где он? — проговорила женщина, едва ворочая языком. — Где мой сын?

— Вам было бы удобнее, если бы он умер в младенчестве? Бедный Джонни Кавингтон без роду и племени... Вы говорили, я не испытываю к вам никаких чувств — к вам и моей милой, нежной сестренке Марджори?

— Се...стренке? — ошеломленно произнесла леди Хорнбери.

— Вы ошибаетесь, — словно не слыша, продолжал Томас Гослинг. — Мое чувство сильнее любви. Оно даже сильнее вашей жажды власти и положения. Единственное чувство, которое я пронес через годы, — ненависть ко всему, что связано с вашим именем! Все, к чему вы прикасаетесь, становится грязным. Мне терять нечего, а вот вам... Ваш последний муж, держу пари, не знает о проделках женушки? А своей обожаемой падчерицы? Боже, какой скандал!

В этот момент молодой человек заметил, что женщина сжимает в руке бархатную сумочку. Она мяла ее так сильно, что рисковала порвать.

— Что у вас там, миледи? — спросил Томас и, грубо выхватив у леди Хорнберри предмет дамского туалета, раскрыл ее. — Вы, я вижу, решили изменить стиль?

Он двумя пальцами извлек из сумочки изящный револьвер.

— Не мышьяк, как с первым мужем? Не цианид, как со вторым? Мне предназначалась пуля! Что ж, гораздо гуманнее — если, конечно, вы хорошо стреляете. А вы хорошо стреляете, леди Хорнберри? Вы сможете убить с первого выстрела? Потому что, если нет..

Томас Гослинг не счел нужным заканчивать фразу. Он аккуратно положил револьвер на стол, в непосредственной близости от руки леди Хорнберри. Затем он развернулся на каблуках и медленно пошел к двери. Женщина продолжала стоять неподвижно.

— У вас есть лишь один способ остановить меня, — не оборачиваясь, бросил Томас Гослинг. — И всего пара минут, пока я не выйду.

Он взялся за ручку.

Леди Хорнберри, словно сломавшись пополам, грузно осела на пол. Томас еще постоял, не поворачивая головы, а потом распахнул дверь.

Занавес обрушился, отрезав зрителей от происходящего на сцене. В звенящей тишине раздался выстрел, заставивший многих в зале вздрогнуть. Рита судорожно сжала локоть Байрамова. Тот с удивлением посмотрел на нее, не представляя, что спектакль мог произвести на жену столь глубокое впечатление. Он не собирался идти в театр и сделал это лишь потому, что его заставила Рита. Игорь был равнодушен к драме и полагал этот жанр отжившим, поэтому известие о новой постановке «Перекрестка» Руперта Рингуолта, забытого драматурга начала прошлого века, его в отличие от Риты не вдохновило. Хотя Бай-

рамов подозревал, что, если бы в главной роли не был занят Сергей Свердлин, его жена охотнее провела бы вечер дома.

— Как думаешь, она его убила? — задумчиво спросила Рита, когда Байрамов помогал ей одеваться в гардеробе. — Или сама застрелилась?

— Понятия не имею, — пожал плечами Игорь. — Терпеть не могу неопределенные концы! Хотя дамы вроде леди Хорнберри обычно не пускают себе пулю в лоб, предпочитая уничтожить других.

Рита незаметно улыбнулась: Игорь не остался равнодушным к пьесе, иначе не удостоил бы ее такой реплики, сильно попахивавшей анализом! Рита знала, что он отправился в театр только потому, что она настояла, и еще потому, что Сергей Свердлин — его друг. Если бы не эти два факта, то Байрамова не удалось бы затащить на драматическую постановку.

— А как тебе Свердлин? — спросила Рита, твердо намеренная заставить мужа выразить мнение в отношении спектакля. — Великолепен?

— Мне больше нравится смотреть на него на экране, — пожал плечами Игорь.

Рита снова улыбнулась. Сергей Свердлин считался самым знаменитым из ныне живущих отечественных актеров театра и кино. Он был едва ли не единственным русским артистом, которому удалось покорить европейские подмостки, одинаково успешно снимающимся как у российских, так и у зарубежных режиссеров. Рита не любила бульварную прессу, но не пропускала ни единой заметки о Свердлине. Она знала, что он в данный момент курсирует между Питером, Римом и Лондоном, играя в спектаклях и участвуя в киносъёмках. Если правда тот факт, что языковой барьер являлся единственным препятствием проникновения русскоязычных артистов на заграничные сцены, то для Сергея Свердлина его не существова-

ло — он прекрасно владел английским, французским и итальянским, что позволяло ему не прибегать к помощи дублеров.

— Хочешь за кулисы? — предложил Игорь безразличным тоном, понимая, что Рита продаст душу дьяволу за возможность пообщаться с кумиром.

— Ты серьезно? — спросила она, замерев.

Байрамова забавляло то, как серьезно его жена отнесится к ситуации. Она обладала невероятной способностью сохранять хладнокровие в самых сложных и опасных обстоятельствах, но таяла, как снежная баба, при одном упоминании имени Свердлина. Игорь не ревновал, может, самую капельку. В любом случае он не мог отказать жене в удовольствии лично пообщаться с идолом.

Когда они подошли к гримерной, на которой золотыми буквами было выбито имя «Сергей Свердлин», Байрамов легонько постучал.

— Никого нет! — услышала Рита громкий, хорошо поставленный голос. — Господи, я же просил!..

Дверь распахнулась, и в проеме возникла взъерошенная светловолосая голова. Лицо выражало раздражение, но при виде Байрамова расплылось в улыбке.

— Так-так-так, — проговорил актер, насмешливо глядя на Игоря. — Все же решил удостоить меня посещением?

В этот момент он заметил Риту.

— А-а, — протянул Свердлин, — вот, значит, кому я обязан! Никак, это твоя мифическая жена?

— Почему же мифическая? — возмутилась Рита.

— Да потому, красавица, что он мне о вас много рассказывал, но так ни разу и не показал, — обезоруживающе улыбнулся Сергей. — Я, честное слово, начал сомневаться, существуете ли вы на самом деле!

— Ну вот, теперь ты видишь, что она существует, — буркнул Игорь, проталкивая Риту в гримерку. — И не только существует, но и горит желанием с тобой познакомиться.

— Польщен. Боже мой...

Рита замерла на пороге, решив, что уже успела что-то сделать не так. На лице Свердлина читалось замешательство, к которому примешивалась изрядная доля восхищения. Синие глаза артиста сияли, когда он разглядывал Риту, неловко переминающуюся с ноги на ногу посреди маленького помещения.

— Боже, какая женщина! — пробормотал Свердлин. Она оказалась выше его, по меньшей мере сантиметров на десять, если не считать каблучков, а Сергей гигантским ростом не отличался. Рита не считала это недостатком для столь обаятельного мужчины.

— Где ты ее откопал, Игорек? — спросил между тем Свердлин.

Рите показалось, что она ослышалась: ни один человек, включая ее саму и даже горячо любимую тещу, не смел называть Байрамова уменьшительно-ласкательным именем.

— Простите меня, милая дама, — шутовски поклонился Свердлин, поняв, что посетительница чувствует себя неудобно. — Я только хотел сказать, что не ожидал, что Игорек найдет себе кого-то... кого-то такого невероятно большого и красивого!

Рита почувствовала, что начинает краснеть, как девственница.

— Да уж, куда тебе! — фыркнул Байрамов беззлобно.

— Если не возражаете, я продолжу приводить себя в божеский вид, — сказал актер.

Только сейчас Рита сообразила, что он стоит перед ними в одних джинсах.

— Вы должны простить меня, — продолжал он, усаживаясь напротив зеркала и снимая ватным там-

поном остатки грима, — за прохладный прием. Я пустил слух, что уже уехал, чтобы мои обожаемые поклонницы отвалили от дверей! Когда ты постучал, Игорек, я испугался, что не все в это поверили.

— Да, — ухмыльнулся Байрамов, — они могли порвать тебя на сувениры.

— Ты же знаком с процедурой, — пожал плечами Свердлин, натягивая белую водолазку и приглаживая взлохмаченные волосы пятерней. — Я с уважением отношусь к своим почитателям. Где бы мы все были, если бы не их любовь? Но иногда, — лицо Сергея приобрело виноватое выражение, — они немного мешают жить.

Рита понимала. Имея знаменитого мужа, она и сама отчасти жила жизнью шоу-бизнеса. Поклонники балета относятся к более интеллектуальной категории граждан и соответственно ведут себя прилично — по крайней мере в большинстве случаев. Свердлин же, будучи актером театра и кино, имел дело с более широкой аудиторией, зачастую выражающей восторги не вполне адекватно.

— Вот, вроде бы вернул себе человеческий облик.

Свердлин улыбнулся своему отражению и повернулся лицом к Рите и Игорю, примостившимся на банкетке. Рита получила возможность в деталях разглядеть своего кумира вблизи. Она призналась себе, что Сергей выглядел точно так, как на фотографиях в глянцевых журналах — фантастически привлекательно! Его тип сильно отличался от байрамовского. Игорь высок, темноволос, с резкими, неправильными чертами лица и светло-карими, почти желтыми глазами, смахивавшими на кошачьи. Свердлин среднего роста, стройный и сложенный как атлет-многоборец, с крепкой шеей, на которой ладно сидела светловолосая голова. Загорелая кожа, греческий нос, высокие скулы и ярко-голубые, практически синие